

УСТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И НАТО В 1991—1993 гг.

Андрей Федорович

Российская Федерация как самостоятельный субъект мирового сообщества, возникший в результате распада СССР, приступила к разработке своего внешнеполитического курса и установлению отношений с иностранными государствами и международными организациями. Особое место российская дипломатия отводила расширению диалога и контактов с Организацией Североатлантического договора (НАТО).

Североатлантический альянс, являясь наиболее мощной военно-политической организацией в мире, оказывал решающее влияние на развитие событий в Европе. Руководство России при разработке своего внешнеполитического курса, принятии основополагающих документов не могло не учитывать роль НАТО в новых исторических условиях. Уровень и качество отношений, устанавливаемых между Москвой и Брюсселем, в значительной степени, определял место России в создающейся архитектуре безопасности.

Повышенный интерес к тематике взаимоотношений России и НАТО в 1991—1993 гг. проявили российские специалисты. Данный вопрос освещен в статьях А. Арбатова [1], Б. Казанцева [10], В. Кудрявцева [13], С. Самуйлова [28], Б. Федорова [34]. Авторы убеждены в том, что России следовало развивать активный диалог и контакты с НАТО. Особо стоит отметить работы министра иностранных дел России А. Козырева [12; 41].

Важным вкладом в изучение российско-навтоских отношений в изучаемый период явилась коллективная монография российских, американских и западноевропейских исследователей «Россия, НАТО и новая архитектура безопасности в Европе» [26], а также работа российского и американского политологов А. Загорского и М. Луккаса «Россия перед европейским вызовом» [8].

В отечественной историографии изучению проблематики развития отношений между Россией и НАТО в 1991—1993 гг., по мнению автора, не уделялось достаточного внимания. Данный вопрос частично затрагивался только при рассмотрении отношений Беларуси и НАТО. Среди работ белорусских исследователей можно выделить статьи А. Розанова [25], А. Федорова [33].

Среди научных трудов западных исследователей, в которых затрагивается проблематика взаимоотношений России и НАТО в 1991—1993 гг., особый интерес вызывают работы Р. Асмуса [36], Р. Кутлера и Ф. Ларреи [37], А. Ротфельда [27], Дж. Шарпа [35], М. Мэндельбаума [42]. В сравнении с российской историографией на Западе взаи-

моотношения России и НАТО рассматривались не как отдельно взятый вопрос, а как один из компонентов всей проблемы, связанной с деятельностью Североатлантического альянса.

В целом вопрос отношений России и НАТО является привлекательной темой для исследователей. Вместе с тем, в историографии трудно найти работу, которая бы комплексно освещала весь уровень взаимодействий Москвы и Брюсселя в исследуемый период. Авторы, как правило, делали акцент на одном или нескольких аспектах. При этом терялась полная картина взаимоотношений.

В данной статье сделана попытка устраниить существующий пробел, показать все формы российско-навтоского сотрудничества в течение 1991—1993 гг., выявить позитивные и негативные факторы, влияющие на развитие диалога Москвы и Брюсселя.

В политических и научных кругах России не было единства по вопросу о месте и роли России на международной арене, о взаимоотношениях с Североатлантическим альянсом. Существовали три основные концепции. Первую из них поддерживали так называемые «атлантисты» во главе с министром иностранных дел А. Козыревым. Первоначально к этой группе примыкал Президент Б. Ельцин. Сторонники данной концепции считали, что западные страны, НАТО являлись естественными партнерами и потенциальными союзниками новой демократической России. По их мнению, России следовало бы вступить в Североатлантический альянс как можно раньше [39, р. 11; 40, р. 28—29; 43, р. 48].

Второй концепции придерживались «реалисты» (или, как их еще называли, «прагматики», «умеренные либералы и центристы», «умеренные националисты», «евроазиаты»). Они, в отличие от «атлантистов», призывали к сбалансированному сотрудничеству со всеми странами мира, а не только с Западом [39, р. 10—12; 40, р. 29; 43, р. 49]. «Реалистичная» концепция подробно была представлена в докладе Совета по внешней и оборонной политике России, подготовленном в августе 1992 г. под названием «Стратегия для России». Авторы доклада призывали руководство страны избегать одностороннего прозападного курса, обосновывая свои аргументы возможной полной изоляцией России в случае провала внутренних реформ. Более того, в Стратегии отмечалось, что Россия уже стоит перед угрозой новой полуизоляции, поскольку нестабильность и слабость России препятствует тесному сотрудничеству со странами Запада.

Автор:

Федорович Андрей Владимирович — аспирант Института истории Национальной академии наук Беларуси

Рецензенты:

Семёнова Людмила Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории мировой цивилизации Международного гуманитарно-экономического университета

Глеб Марина Владимировна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси

Международные отношения

По мнению авторов, изоляция может усугубиться в случае расширения влияния западных структур безопасности (НАТО, ЗЕС) на страны Центральной и Восточной Европы при исключении России. Они призывали к развитию партнерских отношений с НАТО, не отрицая возможность вступления России в альянс [32, с. 4–5].

Вместе с тем, «реалисты» считали, что Россия имеет мало шансов на членство в НАТО. По мнению директора Центра разоружения и стратегической стабильности А. Арбатова, подобная перспектива была бессмысленной и невозможной. Нестабильность в России, по мнению А. Арбатова, являлась главной помехой на этом пути [1, с. 2].

Третья концепция была консервативной по своей сути. Ее сторонники («консерваторы», «антизападники») делали акцент на сотрудничестве России со странами СНГ, Азии, а некоторые представители и вовсе отвергали любые контакты с Западом. Вступление России в НАТО они рассматривали как капитуляцию [39, р. 11–12; 40, р. 30–31; 43, р. 48].

В целом, несмотря на разнообразие мнений, в стране доминировало прозападное направление. Руководство России позитивно отреагировало на инициативу НАТО о создании Совета Североатлантического сотрудничества (ССАС). 20 декабря 1991 г. Россия была принята в ССАС. Президент Б. Ельцин, выступая на заседании нового органа, заявил о готовности российского руководства развивать диалог и контакты с НАТО как на политическом, так и на военном уровнях [17, с. 12].

Совместный российско-навтавский диалог в рамках ССАС способствовал снижению напряженности в отношениях двух сторон, создавал условия для плодотворного сотрудничества. По словам министра иностранных дел А. Козырева, ССАС являлся тем механизмом, который должен был помочь России более тесно сблизиться со странами Запада, «войти в мировое сообщество». «Это не место встречи бывших врагов, а орган сотрудничества друзей, продвигающихся к союзничеству», — подчеркнул А. Козырев [3].

Оказание гуманитарной помощи России стало первым шагом в этом направлении. В декабре 1991 г. при НАТО был образован Комитет по гуманитарной помощи, который установил контакты с Комиссией по вопросам международной гуманитарной и технической помощи при правительстве России. В феврале 1992 г. на проходившей в Вашингтоне конференции по координации гуманитарной помощи республикам СНГ НАТО предложила свою помочь в таких областях, как организация транспорта, проведение технической экспертизы и обеспечение связи при распределении помощи. Первый груз с гуманитарной помощью был доставлен в Россию 10 февраля 1992 г.

Важным событием в развитии российско-навтавских отношений явился визит Генерального секретаря НАТО М. Вёрнера в Москву 23 февраля 1992 г. На встрече с руководством страны глава альянса заявил о важной роли демократической России в строительстве нового мирового порядка в Европе. М. Вёрнер и Б. Ельцин обсудили вопросы дальнейшего сотрудничества [2].

Поддержка со стороны НАТО получила положительный отклик в Москве. Советник-посланник посольства России в Бельгии М. Тимошкин, возглавлявший группу по связям с НАТО, отметил: «Впервые в своей истории Североатлантический альянс выполняет по отношению к нам столь необходимую и, надо подчеркнуть, достойную роль» [21, с. 4].

Центральным вопросом в отношениях России и НАТО было сокращение вооружений. Официальная позиция российского государства по данному вопросу была изложена Президентом России Б. Ельциным в Заявлении от 29 января 1992 г. В документе подтверждалась ответственность России за выполнение международных обязательств, взятых в свое время Советским Союзом, а также, «приверженность курсу на радикальное сокращение ядерных вооружений, на обеспечение максимальной безопасности ядерного оружия и всех объектов, связанных с его разработкой, производством и эксплуатацией» [9, с. 5].

8 июля 1992 г. Парламент России ратифицировал Договор об обычных вооруженных силах в Европе. К августу 1995 г. арсенал России и стран НАТО должен был составлять, соответственно, более 28 тыс. и немногим менее 76 тыс. единиц вооружений [18; 19]. Североатлантический альянс, находясь в положении явного превосходства перед Россией, тем не менее, строго следил за процессом разоружения на территории Российской Федерации. По Договору определялся график военных инспекций государств — участниц НАТО на территории России, а также участие российских военных специалистов на территории стран альянса.

В российские военные формирования ежегодно прибывало несколько сотен зарубежных инспекторов, причем проверке подвергались не только военные части, которые размещались непосредственно на территории России, но также и военные формирования, дислоцируемые в Восточной Германии (Западная группа войск). Аналогичные военные инспекции проводили и российские сотрудники Национального центра по уменьшению ядерной опасности практически во всех странах НАТО.

4 ноября 1992 г. Верховный Совет России ратифицировал Договор о сокращении наступательных вооружений (СНВ-1), а 3 января 1993 г. Россия и США подписали Договор о СНВ-2.

Динамичное сотрудничество России и НАТО было несколько омрачено событиями в Югославии. Готовность Североатлантического альянса вмешаться в разрешение кризиса вызвала протест Москвы. «Возможно, потребуются операции под эгидой ООН. Это должны быть не операции НАТО, что мы категорически отвергаем. Любые односторонние действия каких бы то ни было стран и военное вмешательство — это полностью исключено», — заявил министр иностранных дел России А. Козырев, выступая перед депутатами Верховного Совета [4].

Однако Москва не смогла помешать альянсу выйти за пределы ответственности Вашингтонского трактата. Более того, Президент России Б. Ельцин в июле 1992 г. поддержал подписание Хельсинской декларации, предоставляющей

НАТО право проведения миротворческих операций под эгидой СБСЕ или ООН. Российский представитель не воспользовался правом вето при обсуждении в Совете Безопасности ООН в марте 1993 г. резолюции, разрешающей «заинтересованным странам» применять силу для обеспечения бесполетного режима в небе над Боснией и Герцеговиной. Он настоял только на внесении в текст документа пункта о запрете ведения огня по наземным объектам.

Подобная «уступчивость» российского руководства в отношении военного вмешательства НАТО в разрешение югославского конфликта объясняется рядом причин.

Во-первых, руководство России понимало, что дальнейшая эскалация югославского конфликта потребует больших усилий и военных сил для его разрешения. Сама же Россия не способна была оказать существенную военную помощь в рамках миротворческих операций.

Во-вторых, Москва пыталась добиться от ООН и СБСЕ политической и материальной поддержки проводимых ею операций по разрешению этнических конфликтов на территории СНГ (Южная Осетия, Восточная Молдавия, Таджикистан).

В-третьих, сказывалась зависимость России от западных кредитов.

В-четвертых, «уступчивость» Москвы, отчасти, явилась следствием динамичного сотрудничества России с НАТО не только в рамках ССАС, но и в проведении совместных военных учений, миротворческой деятельности.

Российская сторона добивалась более тесного сотрудничества с НАТО в сфере проведения совместной миротворческой деятельности, отвергая при этом монополию альянса. «Надо выходить на более практическое равноправное взаимодействие, особенно в том, что касается миротворческой деятельности», — отметил заместитель министра иностранных дел России В. Чуркин в своем выступлении на заседании ССАС 18 декабря 1992 г. [5].

Руководство НАТО позитивно реагировало на предложения Москвы. «Русские знают, что НАТО приветствует их участие, и мы всегда придем к согласию», — отмечал Генеральный секретарь М. Вёрнер [11, с. 3]. Однако не все на Западе разделяли оптимизм М. Вёрнера. Так, например, бывший верховный главнокомандующий Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генерал Дж. Гэлвин считал, что «в настоящее время Россия не в состоянии проводить никакую серьезную военную операцию в широких масштабах» [6, с. 3].

Важным событием в деле укрепления отношений в военной сфере между Россией и НАТО явился визит в Россию в конце января 1993 г. делегации альянса во главе с верховным главнокомандующим Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генералом Дж. Шаликашвили. В ходе беседы Дж. Шаликашвили с министром обороны П. Грачевым были рассмотрены вопросы, касающиеся организации и проведения совместных военных учений российских и натовских подразделений. Главы военных ведомств достигли договоренности о совместном участии в урегулирова-

нии кризисов, сотрудничество при проведении миротворческих миссий, оказании гуманитарной помощи, проведении поисково-спасательных работ, в том числе и на море. Кроме того, был запланирован обмен военными специалистами, преподавателями высших учебных заведений, а также обучение офицеров из стран НАТО в России и наоборот. По словам Дж. Шаликашвили, в 1993 г. было решено осуществить более 100 контактов по военной линии (в 1992 г. их было около 60) [23, с. 2].

15 марта 1993 г. по приглашению главнокомандующего ВМФ России адмирала Ф. Громова Россию посетил верховный главнокомандующий Объединенными вооруженными силами НАТО на Атлантике адмирал П. Миллер. На встрече П. Миллера с военным руководством России были обсуждены вопросы, касающиеся расширения российско-натовского сотрудничества: поддержание мира, ликвидация последствий стихийных бедствий, участие в гуманитарных операциях [31, с. 1].

В начале июня 1993 г. на Балтийском море прошли первые совместные российско-натовские учения «Балтопс—93».

Некоторая степень напряженности в российско-натовском диалоге имела место по вопросу вывода российских войск из Прибалтики. По соглашениям с Литвой, Латвией и Эстонией Москва обязалась вывести свои войска с их территорий к 31 августа 1993 г. Однако 29 октября 1992 г. Президент России Б. Ельцин приостановил вывод российских войск из стран Балтии, потребовав подписания с этими государствами межгосударственных соглашений о порядке эвакуации и мерах социальной защиты военнослужащих [14, с. 1].

Это обстоятельство заставило руководство Литвы, Латвии и Эстонии обратиться с просьбой к международному сообществу об оказании давления на Москву. Североатлантический альянс, поддержав требования балтийских государств, тем не менее, ограничился только словесным осуждением шагов российского правительства. В заключительном коммюнике заседания ССАС от 18 декабря 1992 г. отмечалось: «Возобновление процесса вывода войск будет значительным вкладом в стабильность в балтийском регионе... Все стороны должны проявить гибкость и сдержанность в переговорах, с тем, чтобы решить оставшиеся проблемы, включая проблемы социального и материального характера» [38].

Вопросы, связанные с выводом российских войск из стран Балтии, обсуждались также на сессии Североатлантической Ассамблеи НАТО в ноябре 1992 г. в г. Брюгге. На заседании присутствовала российская делегация во главе с председателем Совета Республики Верховного Совета России Н. Рябовым. В принятой на сессии резолюция содержался призыв к правительствам и парламентам стран НАТО принять меры для строительства на территории России 20 тыс. квартир для семей военнослужащих и создания для этого специального фонда [24, с. 2].

Наиболее болезненным вопросом в отношениях между Россией и НАТО было возможное расширение альянса на Восток за счет вступления в состав альянса стран Центральной и Восточной Европы.

Первоначально Россия не трактовала расширение НАТО как реальную угрозу своей безопасности. Более того, Президент России не отрицал возможности вступления России в Североатлантический альянс [17, с. 13]. Руководство НАТО, в свою очередь, уверяло об отсутствии планов приема новых членов [15, с. 4]. Ситуация стала меняться с весны 1993 г., когда восточноевропейские страны начали добиваться приема в ряды альянса. Однако кардинальные изменения произошли во второй половине того же года после визита Б. Ельцина в Польшу. В принятой 25 августа 1993 г. Согласованной российско-польской декларации содержался пункт по вопросу вступления Польши в НАТО: «В перспективе такое решение суверенной Польши, направленное на общеевропейскую интеграцию, не противоречит интересам других государств, в том числе интересам России» [30, с. 15]. Это заявление по сути снимало российское табу на вступление стран Центральной и Восточной Европы в НАТО.

По возвращению домой Б. Ельцин, правда, пересмотрел свою позицию. 15 сентября 1993 г. он известил западных лидеров о своем несогласии с возможным вступлением стран Центральной и Восточной Европы в Североатлантический альянс. Президент отметил, что подобное решение вызвало бы негативную реакцию у части российского общества, которое восприняло бы это как возобновление изоляции страны. Глава государства заявил о готовности России вместе с НАТО предоставить официальные гарантии безопасности восточноевропейским странам [22].

Более того, в принятой в ноябре 1993 г. Военной доктрине Российской Федерации расширение военных альянсов причислялось к главным источникам военной опасности для России [20, с. 4]. Официальная позиция Москвы по этому вопросу хорошо раскрыта в высказываниях министра иностранных дел А. Козырева: «Форсированное расширение НАТО за счет стран Центральной и Восточной Европы может создать "перегрев" в европейских процессах — не потому, что это было бы направлено против России, но потому, что может произойти без нее. Мы не рассматриваем НАТО как агрессивный блок, но эта организация, созданная в свое время для противостояния другой силе, не приспособлена для решения межэтнических и межнациональных конфликтов» [29].

Вместе с тем, уже было трудно остановить начавшийся процесс по поиску возможностей приема в НАТО новых стран. Министр обороны Германии Ф. Рюе выразил мнение, что государства, имеющие перспективу вступления в Европейское сообщество (по его мнению, Польша, Венгрия, Чехия и Словакия), не должны быть лишены возможности стать членами НАТО. «Североатлантический блок не следует превращать в своего рода "клуб, закрытый для остальных"», — отметил министр [16, с. 3].

В штаб-квартире НАТО понимали, что приближение военного контингента организации к российским границам может затруднить демократические преобразования в России, отделить ее от Европы и углубить ее ощущение опасности и изоляции.

С другой стороны, альянс не намеривался оставлять без присмотра страны Центральной и Восточной Европы, особенно в связи с политической нестабильностью в России. Особое беспокойство у руководства НАТО вызвала попытка совершения государственного переворота в России в октябре 1993 г. С тем, чтобы уберечь Россию от изоляции и избежать усиления антизападных элементов в стране, а, с другой стороны, успокоить страны Центральной и Восточной Европы, американской администрацией была предложена программа «Партнерство ради мира». Программа была направлена на усиление сотрудничества Североатлантического альянса со странами бывшего Варшавского договора. Министры обороны стран — участниц НАТО впервые обсудили инициативу США 19 октября 1993 г. в г. Травемюнде (ФРГ). На январь 1994 г. намечалось обсуждение программы главами государств и правительств стран — участниц НАТО.

Своеобразным подведением итогов первых лет взаимоотношений России и НАТО стал визит Б. Ельцина 9 декабря 1993 г. в Брюссель, где состоялась его встреча с М. Вёрнером. Глава Североатлантического альянса отметил плодотворность развития отношений с Россией и подчеркнул важность сотрудничества с ней в будущем. «Россия стала партнером НАТО, и это партнерство надежно», — заявил М. Вёрнер. Между Б. Ельциным и М. Вёрнером была достигнута договоренность о расширении сотрудничества [7, с. 1].

Таким образом, взаимоотношения России и НАТО в 1991—1993 гг. приобрели принципиально новый характер. На смену конфронтации эпохи «холодной войны» пришел качественно новый этап в российско-натовских отношениях, направленный на развитие взаимовыгодного сотрудничества и партнерства. Образ «главного врага» постепенно изживал себя, уступая место образу «надежного партнера».

Между Москвой и Брюсселем возникли новые формы сотрудничества: Россия стала полноправным членом ССАС; получила статус ассоциированного члена Североатлантической Ассамблеи НАТО; происходил постоянный обмен военными специалистами и преподавателями высших учебных заведений; проводились совместные миротворческие операции, а также военные учения; эксперты НАТО проводили инспекции на военных объектах России, а российские представители следили за соблюдением положений Договора об ОБСЕ на территории стран — участниц альянса; заметно участились визиты высокопоставленных лиц России в Брюссель, а представителей высокого ранга стран — участниц НАТО — в Москву.

Вместе с тем, в отношениях между Россией и НАТО по-прежнему существовали значительные противоречия, в первую очередь, по таким вопросам, как разрешение югославского конфликта и расширение альянса на Восток. Более того, во внешней политике России наметилась тенденция ко все большей ориентации на национальные интересы страны, что зачастую противоречило первоначальным устремлениям Москвы, направленным на развитие тесного сотрудничества с НАТО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбатов, А. Г. Россия и НАТО: нужны ли мы друг другу? // Независимая газ. 1992. 11 марта.
2. Визит Генерального секретаря НАТО в Россию // Дипломат. вестник. 1992. № 6. С. 4–5.
3. Внеочередная сессия Совета Североатлантического сотрудничества: выступление А. В. Козырева [10 марта 1992 г., Брюссель]. Там же. № 7. С. 33–34.
4. Выступление А. В. Козырева [26 июня 1992 г.] // Там же. № 13–14. С. 40.
5. Выступление В. И. Чуркина на заседании ССАС [18 дек. 1992 г.] // Там же. 1993. № 1–2. С. 36.
6. Глухов, Ю. Внимание: похоронки // Правда. 1992. 8 сент.
7. Горностаев, Д. Европа порадовала Ельцина // Независимая газ. 1993. 10 дек.
8. Загорский, А. Россия перед европейским вызовом / А. Загорский, М. Лукас. М.: Междунар. отношения; Ин-т Восток – Запад, 1993.
9. Заявление Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина [29 янв. 1992 г.] // Дипломат. вестник. 1992. № 4–5. С. 4–5.
10. Казанцев, Б. Первые шаги к партнерству России с НАТО // Междунар. жизнь. 1994. № 10. С. 22–29.
11. Коваленко, Ю. В штаб-квартире НАТО Павел Грачев обсуждает возможность участия российских войск в миротворческих операциях ООН // Известия. 1993. 31 марта.
12. Козырев, А.В. Преображение. М.: Междунар. отношения, 1995.
13. Кудрявцев, В. Политика НАТО на переломе // Мировая экономика и междунар. отношения. 1992. № 5. С. 41–55.
14. Министр обороны России выступил в Брюсселе // Красная звезда. 1993. 31 марта.
15. «Мы наконец похоронили ялтинские соглашения 1945 г.» // Независимая газ. 1992. 10 марта.
16. НАТО: возможно расширение союза // Российские вести. 1993. 17 сент.
17. Обращение к участникам сессии Совета Североатлантического сотрудничества [Брюссель, 20 дек. 1991 г.] // Дипломат. вестник. 1992. № 1. С. 12–13.
18. Обычные вооружения, подпадающие под Договор ОВС, в странах бывшего ВД в течение 1990–1992 гг. и предельные уровни для 1995 г. по Договору ОВС // Международная безопасность и разоружение 1993: ежегодник СИПРИ. М.: Наука, 1993. С. 312.
19. Обычные вооружения, подпадающие под Договор ОВС, в странах НАТО в 1990–1992 гг. и предельные уровни для 1995 г. по Договору ОВС // Международная безопасность и разоружение 1993: ежегодник СИПРИ. М.: Наука, 1993. С. 311.
20. Основные положения военной доктрины Российской Федерации // Красная звезда. 1993. 19 нояб.
21. Пересада, В. Координатор помохи НАТО // Правда. 1992. 17 февр.
22. Письмо Президента России Бориса Ельцина Президенту США Биллу Клинтону [15 сент. 1993 г.] // Международная безопасность и разоружение 1994: ежегодник СИПРИ. М.: Наука, 1994. С. 125.
23. Погорелый, М. Россия и НАТО: учимся работать вместе // Красная звезда. 1993. 30 янв.
24. Пономарев, М. Сессия ССАС закончилась. Сессия ЗЕС началась // Там же. 1992. 21 нояб.
25. Розанов, А. Европейская безопасность: позиция Беларуси // Бел. журн. междунар. права и междунар. отношений. 1996. № 1. С. 56–68.
26. Россия, НАТО и новая архитектура безопасности в Европе / О. А. Колобов [и др.]; под общ. ред. О.А. Колобова. Н. Новгород: ННГУ, 1998. С. 320.
27. Ротфельд, А. Д. Европа: к новому региональному режиму безопасности // Международная безопасность и разоружение: ежегодник СИПРИ 1994. М.: Наука, 1994. С. 120–145.
28. Самуилов, С. НАТО и европейские интересы России // Независимая газ. 1994. 14 янв.
29. Совместная пресс-конференция А. В. Козырева и У. Кристофора [22 окт. 1993 г.] // Дипломат. вестник. 1993. № 21–22. С. 21.
30. Совместная российско-польская декларация [25 авг. 1993 г.] // Там же. № 17–18. С. 15–16.
31. Соловьев, В. НАТО и Россия: три варианта взаимодействия // Независимая газ. 1993. 19 марта.
32. «Стратегия для России». Некоторые тезисы для доклада Совета по внешней и оборонной политики // Там же. 1992. 19 авг.
33. Федоров, А. Беларусь между Россией и НАТО. Новые геополитические вызовы // Беларусь на пути в третье тысячелетие: сб. ст. / сост. Л. Ф. Заико. Минск: Бел. фабрики мысли, 2001. С. 227–242.
34. Федоров, Б. Россия должна войти в НАТО // Известия. 1994. 6 сент.
35. Шарп, Дж. Контроль за обычными вооружениями в Европе // Международная безопасность и разоружение: ежегодник СИПРИ 1993. М.: Наука 1993. С. 220–232.
36. Asmus, R.D. Opening NATO's door: how the alliance remade itself for a new era. New York, Columbia University Press, 2002.
37. Asmus, R.D. Building a New NATO / R. D. Asmus, R. L. Kugler, F. S. Larrabee // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. N 4. P. 28–40.
38. Final Communiqué. Issued at the Ministerial Meeting of the North Atlantic Cooperation Council in Ministerial Meeting. Brussels 18 Dec. 1992 [Electronic resource] // NATO website. Mode of access: <<http://www.nato.int/docu/comm/49-95/c921218a.htm>>. Date of access: 30.09.2004.
39. Gorski, V. Problems and prospects of NATO – Russia relationship: the Russian debate. Final report. NATO – EAPC research fellowships 1999–2001. Moscow, June 2001.
40. Kortunov, A. Russian national interests: the state of discussion // Russia's place in Europe: a security debate / ed. by K. R. Spillmann and A. Wenger. Bern: Peter Lang, 1999. P. 21–45.
41. Kozyrev, A. The new Russia and the Atlantic Alliance [Electronic resource] // NATO website. Mode of access: <<http://www.nato.int/docu/review/1993/9301-1.htm>>. Date of access: 30.09.2004.
42. Mandelbaum, M. Preserving the New Peace: The Case Against NATO Expansion // Foreign Affairs. Vol. 74. N 3. P. 9–13.
43. Parkhalina, T. Impacts of domestic and regional factors on Russia's foreign and security policy // Russia's place in Europe: a security debate / ed. by K. R. Spillmann and A. Wenger. Bern: Peter Lang, 1999. P. 47–57.

«Установление и развитие отношений между Российской Федерацией и НАТО в 1991–1993 гг.» (Андрей Федорович)

После окончания «холодной войны» и распада Советского Союза в отношениях между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора произошли значительные изменения. В 1991–1993 гг. со стороны Москвы и Брюсселя предпринимались активные шаги, направленные на установление тесных контактов друг с другом как на политическом, так и на военном уровнях. Совет Североатлантического сотрудничества, созданный в рамках НАТО в декабре 1991 г., способствовал данному сближению. ССАС выступал в качестве форума, на котором Россия наравне со странами – участниками альянса участвовала в обсуждении и принятии решений по важнейшим международным вопросам.

Одной из главнейших задач российско-наторских консультаций было стремление альянса добиться от России выполнения обязательств по международным договорам в области разоружения, взятых в свое время руководством СССР. Парламент Российской Федерации ратифицировал ряд договоров: ОВСЕ, СНВ-1, СНВ-2.

Вступление в силу Договора об обычных вооруженных силах в Европе привело к возникновению новой формы сотрудничества между Россией и Североатлантическим альянсом, которая проявлялась в проведении военных инспекций стран НАТО на территории России и участии российских военных экспертов в инспекциях на территории стран – участниц альянса.

Военные контингенты НАТО и Российской Федерации участвовали в совместных военных учениях, а также в военных операциях по поддержанию мира и безопасности в Югославии.

Между Россией и Североатлантическим альянсом осуществлялся постоянный обмен военными специалистами и преподавателями высших учебных заведений. Значительно возросло количество визитов высокопоставленных лиц НАТО в Москву, а руководства России – в Брюссель.

Вместе с тем, в отношениях между Россией и НАТО существовал ряд противоречий. Так, например, Российская Федерация выступала категорически против одностороннего военного вмешательства альянса в разрешение югославского конфликта, а также против возможного расширения НАТО на восток. Москва добивалась изменения некоторых положений Договора об ОВСЕ. Определенная степень напряженности существовала по вопросу вывода российских войск из Прибалтики.

«The Establishment and Development of the Relations Between the Russian Federation and NATO in 1991–1993» (Andrey Fedorovich)

After the termination of the «cold war» and disintegration of the Soviet Union the relations between the Russian Federation and the North Atlantic Treaty Organization have undergone significant changes. In 1991–1993 active steps were undertaken on the part of Moscow and Brussels, directed at the establishment of close contacts with each other, both on the political, and military levels. The North Atlantic Cooperation Council, created within the framework of the NATO in December 1991, promoted this rapprochement. The NACC represented itself as a forum where Russia on equal terms with other countries – members of the Alliance took part in discussions and decision-making on major international issues.

One of the main problems of Russia – NATO consultations was aspiration of the Alliance to get Russia to fulfil its obligations under the international treaties in the field of disarmament, which had been assumed by the leadership of the USSR in its time. The Parliament of the Russian Federation ratified a number of treaties: CFE, START-1, and START-2.

Coming into force of the Treaty on Conventional Armed Forces in Europe has led to the emergence of a new form of cooperation between Russia and the North Atlantic Alliance. It manifested itself in carrying out military inspections of the NATO countries on the territory of Russia, and the participation of the Russian military experts in inspections on the territory of countries-participants of the Alliance.

Military contingents of the NATO and the Russian Federation took part in joint military exercises, and in military operations on peacekeeping in Yugoslavia.

Constant exchange of military experts and teachers of higher educational institutions went on between Russia and the North Atlantic Alliance. The number of visits of high-ranking officials of the NATO to Moscow, and the of leadership of Russia to Brussels considerably increased.

At the same time, there was a number of contradictions in relations between Russia and the NATO. So, for example, the Russian Federation strongly opposed unilateral military intervention of the Alliance in the settlement of the Yugoslavian conflict, and also a possible expansion of the NATO to the East. Moscow tried to achieve amendments of some provisions of the Treaty on Conventional Armed Forces in Europe. A certain degree of tension existed on the question of the withdrawal of the Russian troops from the Baltic states.